Юб Богословский
300 „Реформа
Б74 дух. школы
при Александр. I
Сергиев-
посад 1917 г.

D Б
300
Б74

Проф. М. Богословскій.

Реформа духовной школы при Александрѣ I

и

ОСНОВАНІЕ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

СЕРГІЕВЪ-ПОСАДЪ.
Типографія Московскаго Совѣта Солдатскихъ Депутатовъ.
1917.

DB
300
574

Проф. М. Богословскій.

Реформа духовной школы при Александрѣ I

II

ОСНОВАНІЕ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

202/5

СЕРГІЕВЪ-ПОСАДЪ.
Типографія Московскаго Совѣта Солдатскихъ Депутатовъ.
1917.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 468684
193 г.

Реформа высшей духовной школы при Александрѣ и основаніе Московской Духовной Академіи.

Людямъ, жившимъ на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ, пришлось быть очевидцами великихъ событій, великихъ политическихъ потрясеній. Передъ ними пронеслись бури французской революціи, они содрогнулись, когда пролита была кровь короля на эшафотѣ, они поражены были появленіемъ новаго цезаря, дерзкою, не знавшею препятствій рукой схватившагося за императорскій вѣнецъ, на ихъ глазахъ была возстановлена Западная имперія Карла Великаго и они же присутствовали при паденіи этой имперіи, рухнувшей въ пожарѣ общеевропейской войны. Изъ всѣхъ этихъ катастрофъ, которыя пришлось пережить поколѣнію нашихъ недалекихъ предковъ, величайшею катастрофой было, можетъ быть, крушеніе ихъ міровоззрѣнія, міровоззрѣнія, вынесеннаго ими изъ XVIII вѣка. Людямъ этого поколѣнія пришлось видѣть паденіе такъ смѣло провозглашенныхъ революціей идеаловъ. На ихъ глазахъ свобода, равенство и братство, написанныя на знамени революціи, привели къ деспотизму, угнетенію и взаимной ненависти. Революція упразднила христіанскую религію; человѣческій разумъ она провозгласила божественнымъ началомъ, учредивъ на мѣсто отмѣненнаго христіанства культъ Разума. Но въ захватившемъ и всенисповергающемъ водоворотѣ разыгравшихся событій человѣкъ, носитель этого разума, почувствовалъ себя ничтожной песчинкой, щепкой, бросаемой изъ стороны въ сторону, безсильной и безпомощной противъ теченія, когда даже величайшій человѣческій геній, повелитель міра, предметъ безграничнаго

восхищенія однихъ и глубокой ненависти другихъ, властитель думъ современнаго ему поколѣнія, взрощенный и воспитанный революціей, оказался низвергнутымъ съ трона, на которомъ онъ высился надъ упавшими передъ нимъ ницъ народами, и заброшеннымъ волнами океана на далекія скалы островка св. Елены. Раціоналистическіе идеалы XVIII вѣка разбивались вдребезги и горделивыя человѣческія мечты разлетѣлись, какъ дымъ. Въ ходѣ и направленіи событій почувствовалось дѣйствіе высшей, неисповѣдимой Воли. Глубокое религіозное чувство, на время какъ-бы заглушенное и подавленное, вновь съ необычайной силой охватило человѣческую душу и горячая вѣра согрѣла ее.

Ярче всего, быть можетъ, этотъ переворотъ, этотъ кризисъ міровоззрѣнія замѣтенъ въ императорѣ Александрѣ I. Воспитанникъ представителя эпохи Просвѣщенія философа-раціоналиста Лагарпа, Александръ въ юные годы былъ равнодушенъ къ религіи. Его постигло глубокое разочарованіе въ личной жизни; она сложилась не такъ, какъ ему хотѣлось. Помыслы его молодости были направлены къ тому, чтобы уйти отъ политики и жить частнымъ человѣкомъ среди тихой сельской природы гдѣ-либо на берегу альпійскаго озера. На дѣлѣ ему пришлось быть не только участникомъ разыгравшейся на его глазахъ всемірной трагедіи, но и вершителемъ грандіозныхъ политическихъ событій. Ему пришлось перестрадать жесточайшій ударъ, нанесенный Россіи проникшимъ въ ея сердце врагомъ, и ему же суждено было стать во главѣ народовъ, поднявшихся противъ тирана и стряхнувшихъ съ себя оковавшія ихъ цѣпи. Подъ давленіемъ пережитого и перечувствованнаго въ душѣ его происходитъ рѣшительный переломъ. Эту душу озаряетъ и согрѣваетъ живая вѣра. Изъ равнодушнаго деиста онъ дѣлается глубоко-религіознымъ человѣкомъ. „Пожаръ Москвы“, говорилъ онъ, „освѣтилъ меня, согрѣлъ жаромъ истинной вѣры, показалъ мнѣ Бога“. Сокрушивъ могущественнѣйшаго врага, умиротворивъ Европу, взойдя на вершину человѣческой славы, Александръ, какъ бы чувствуя все ничтожество этого величія, смиренно преклонился передъ Всевышнимъ съ словами: „Не намъ, не намъ, а Имени Твоему даждь славу“ — словами, которыя онъ приказалъ отчеканить на медали, выбитой въ память 1812 года.

Но душа Александра съ ея переживаніями была отображеніемъ того, что происходило въ тѣ же годы въ широкихъ кругахъ русскаго общества. Оно стало религіознымъ. Храмы наполнились молящимися, молитва сдѣлалась искреннѣе и горячѣе. „Продолженіе и возрастаніе общей опасности“, говоритъ современникъ событій знаменитый московскій митрополитъ Филаретъ въ своемъ замѣчательномъ Разсужденіи о причинахъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ 1812 года, „продолженіе и возрастаніе общей опасности нигдѣ не могло быть примѣчено, развѣ при алтаряхъ, гдѣ моленія становились продолжительнѣе, возрастало число притекающихъ отверзающіяся Господу сердца, уже не таясь собратій, изливались въ слезахъ умиленія, и гдѣ отходящіе на брань принимали послѣднее напутствіе“. — „Раскройте“, пишетъ историкъ той эпохи, вѣрно изображая ея настроеніе, „любой изъ памятниковъ вѣчно памятнаго 1812 года, и васъ поразитъ на первыхъ же строкахъ живая и сильная струя религіознаго чувства, проникающая всѣхъ современниковъ этой эпохи въ большей или меньшей степени. Впечатлѣніе будетъ одинаково, все равно, возьмете ли вы официальный документъ, частное письмо, мемуары, назначенные для потомства. Безразличны также званіе, происхожденіе, положеніе составителей или авторовъ. Всѣ они, и русскіе, и иноземцы, и лица занимавшія высшіе государственные посты и люди частные говорятъ, правда на различныхъ языкахъ, выражаются различными способами, но всѣ выражаютъ одну и ту же мысль. Всѣ они отдаютъ должную дань справедливости храбрости войскъ русскихъ, безграничному энтузіазму и самоотверженію народа русскаго, непоколебимой твердости императора Александра, но всѣ единодушно приписываютъ въ то же время чудесный исходъ борьбы всесильной помощи Всевышняго, всѣ видятъ въ потрясающихъ событіяхъ времени руку Всемогущаго“ *). Кутузовъ, человѣкъ раздѣлявшій легкія воззрѣнія свѣтскихъ салоновъ, получивъ извѣстіе о выходѣ Наполеона изъ Москвы, упалъ передъ образомъ Спасителя и, рыдая, воскликнулъ: „Боже, создатель мой! Наконецъ Ты внялъ молитвѣ нашей и съ сей минуты Россія спасена“! Ставъ народнымъ героемъ, онъ усвоилъ всю теплоту и простоту народной вѣры. „Не планъ отступленія

*) *Надлеръ*, Императоръ Александръ I и идея священнаго союза, III, 11.

спасъ Россію“, читаемъ въ запискахъ адмирала Шишкова, государственнаго секретаря при Александрѣ I: „онъ приготовлялъ ей гибель, которую Богъ обратилъ въ ея торжество и славу. Кто могъ предвидѣть, что Наполеонъ безразсудно зайдетъ такъ далеко; что пожаръ Москвы омрачитъ, усыпитъ его; что праведная месть за сожженіе столицы и поруганіе св. мощей и храмовъ ея, соединясь съ любовью къ отечеству, ополчитъ руку дворянъ и народа неутолимымъ гнѣвомъ и мужествомъ; что нечаянно позовется къ войскамъ искусный и опытный полководецъ; и наконецъ, что зима необычайно лютыми мразами своими вооружится вмѣстѣ съ пушечными и ружейными огнями истреблять остатки бѣгущихъ непріятельскихъ полчищъ?—Нѣтъ! не человѣческій разумъ предузналъ и расчислилъ сіи послѣдствія; но десница Божія гордыя враговъ нашихъ мечты и наши, болѣе для нихъ, нежели для насъ выгодныя предначертанія превратила имъ въ пагубу, а намъ во спасеніе. Во всю сію войну она многократно являлась, творя сіи чудеса; и надпись на медали справедливо гласитъ: не намъ, не намъ—но имени Твоему“ *). „Я и понынѣ“, пишетъ тотъ же свидѣтель, „въ толь скоромъ паденіи возросшей до высочайшей степени силы Наполеоновой не иное что вижу, какъ особенное произволеніе Творца вселенной. Властолюбіе, соединясь съ безвѣріемъ, достигло до такой степени кровопійственнаго буйства, что возмутило спокойствіе всѣхъ народовъ и навлекло на себя гнѣвъ Божій. Его, а не человѣческая рука поразила сіе чудовище. Она безъ всякаго насилія и принужденія соединила всѣхъ разнодержавныхъ и разномыслящихъ людей въ одну душу, воздвигла справедливую сторону противъ несправедливой и всѣ ея даже иногда несогласныя или необдуманныя и противныя успѣхамъ начинанія и предпріятія неисповѣдимыми путями своими обращала ей въ пользу и торжество. Многія видимыя мною въ продолженіе сей брани дѣйствія совершенно меня въ томъ удостовѣрили“. Передъ нами интимная переписка двухъ свѣтскихъ дамъ, разумѣется, никогда и не помышлявшихъ о томъ, что ихъ письма когда нибудь сдѣлаются достояніемъ печати. Переписка касается обычныхъ салонныхъ интересовъ и свѣтскихъ пустяковъ. Но вотъ наступаютъ несчастія 1812 г.; предметы

*) *Шишковъ*, Записки I, 137 и сл.

и тонъ писемъ совершенно мѣняются; въ каждомъ изъ нихъ просвѣчиваетъ искреннее религіозное чувство. „Мы дожили до такой минуты“, читаемъ напр. въ одномъ изъ этихъ писемъ, „когда, исключая дѣтей, никто не знаетъ радости даже самые веселые люди. Насъ ожидаетъ, быть можетъ,, страшная будущность, милый другъ! Безграничная покорность волѣ Господней, совершенное, слѣпое подчиненіе Его неисповѣдимымъ приговорамъ—единственныя чувства, могущія успокоить насъ въ такое время, когда страхъ весьма снователенъ. Будемъ молиться, милый другъ!“ *). Современники величественныхъ и грозныхъ событій непосредственно живо ощущали руку направляющаго событія Провидѣнія имъ казалось, что руководители событій прозрѣвали самое Божество. „Вездѣ и во всемъ было чувствуемо присутствіе чего то высшаго и всесильнаго“, такъ передаетъ свои впечатлѣнія и впечатлѣнія окружавшей его среды Вигель въ своихъ мемуарахъ. „Я почти увѣренъ, что Александръ и Кутузовъ Его прозрѣли и что даже самому Наполеону блеснулъ гнѣвный ликъ Его“ **). Русское образованное общество испытывало переломъ въ своихъ воззрѣніяхъ. Раціоналистъ, вольнодумецъ, вольтеріанецъ екатерининской эпохи сходилъ со сцены, доживая послѣдніе дни, возбуждая къ себѣ непріязненное чувство въ окружающихъ. Тотъ же Вигель, встрѣтивъ въ одной изъ свѣтскихъ гостиныхъ запоздалаго представителя такого направленія, даетъ ему нелестную характеристику. Его умъ кажется невысокимъ, его сужденія обветшалыми и возбуждаютъ отвращеніе. „Это былъ острякъ, вольтеріанецъ, циникъ и безбожникъ. Его умъ былъ забавенъ, но недовольно высокъ, чтобы снять съ него печать, наложенную обществами XVIII вѣка. Странно и довольно гадко было мнѣ слушать обветшалыя сужденія и правила философизма, отчасти породившаго революцію въ ту самую минуту, когда казалось, что она сокрушена была навсегда ***). Энциклопедія и томы произведеній просвѣщенныхъ философовъ XVIII вѣка стояли теперь неподвижно за стеклами книжныхъ шкаповъ въ библіотекахъ барскихъ усадебъ, какъ молчаливые свидѣтели недавняго прошлаго. Настольною кни-

---

*) *Надлеръ*, op. cit. III, 15.
**) *Вигель* Записки IV, 78.
***) ibid. 119.

гою дѣлалось священное писаніе. Самъ императоръ Александръ усвоилъ привычку ежедневно прочитывать по нѣскольку страницъ изъ Евангелія и отъ этой привычки никогда не отступалъ, даже при своихъ частыхъ во вторую половину царствованія передвиженіяхъ по Западной Европѣ, даже во время сраженій при громѣ орудій въ походахъ 1813 и 14 годовъ. Но и въ читающемъ обществѣ св. Писаніе стало распространяться съ небывалымъ успѣхомъ. Въ декабрѣ 1812 г. въ Петербургѣ открылось Библейское общество, возникшее подъ вліяніемъ англійскаго образца—Великобританскаго Библейскаго общества. Оно принято было подъ покровительство императора; членами его сдѣлались представители высшей знати, занимая въ его собраніяхъ кресла рядомъ съ представителями высшей церковной іерархіи. Въ короткое время Библейское общество распространило до полумилліона экземпляровъ Новаго Завѣта. Подъ сѣнію общества предпринятъ былъ переводъ Новаго Завѣта на русскій языкъ, и слово Божіе становилось все болѣе доступнымъ. Людямъ того поколѣнія могло казаться, что наступилъ моментъ всеобщаго обращенія народовъ къ христіанству и къ христіанской жизни. „Какія нынѣ времена!“, пишетъ одинъ изъ членовъ англійскаго Библейскаго общества своимъ русскимъ собратьямъ—„Господь воцарился! Кажется, что опять уже слышится гласъ вопіющаго въ пустынѣ уготовайте путь Господень!“

II.

Въ такую эпоху религіознаго воодушевленія и обращенія къ христіанству проводилась реформа русской духовной школы. Казалось, для такого преобразованія нельзя было себѣ представить болѣе подходящаго момента. И однако моментъ этотъ для православной духовной школы былъ крайне опаснымъ.

Дѣло въ томъ, что горячее религіозное воодушевленіе, которымъ было охвачено русское общество въ первой четверти XIX в., пошло въ значительной мѣрѣ не по своему прямому, а по боковому руслу, въ обходъ Православной церкви. Это воодушевленіе приняло характеръ мистическаго настроенія, внѣцерковнаго мистицизма. Но чуждаясь церкви, религіозный подъемъ сталъ въ иныхъ случаяхъ принимать

уродливыя формы. Дѣлало успѣхи мистическое сектантство. Петербургское знатное общество съ благоговѣніемъ посѣщало невѣжественнаго основателя скопческой секты Селиванова и собранія у Татариновой, начавшіяся съ чтенія св. Писанія и превратившіяся затѣмъ въ хлыстовскія радѣнія со всѣми явленіями болѣзненной экзальтаціи. Заблудившись внѣ церковной ограды, мистицизмъ началъ проникать въ области, дотолѣ наиболѣе отдаленныя отъ религіозной сферы. Погруженный въ мистическія переживанія Александръ I внесъ ихъ во внѣшнюю политику, стремился строить на религіозныхъ началахъ международныя отношенія европейскихъ государствъ и сдѣлать эти начала основою своей внутренней политики. Въ 1815 г. въ Парижѣ онъ выступилъ съ знаменитымъ собственноручно написаннымъ актомъ Священнаго Союза, къ которому пригласилъ присоединиться прежде всего союзныхъ государей: императора австрійскаго и короля прусскаго, а затѣмъ къ акту должны были приступить и всѣ европейскія государства. Въ актѣ заключалась возвышенная идея положить въ основу международныхъ отношеній, опредѣлявшихся до того времени силою меча, новое начало—Евангеліе съ его кроткой заповѣдью братской любви къ ближнему, идея, зародившаяся у Александра при взглядѣ на сожженные и разрушенные города и деревни, на сотни тысячъ обездоленныхъ, лишенныхъ крова людей мирнаго населенія, на безчисленные обезображенные и искаженные испытанными жестокими страданіями, окоченѣвшіе трупы, которыми усыпана была вся дорога отъ Москвы до русской границы, словомъ на всѣ тѣ ужасы, которые принесла съ собою война 1812 года. Это была мечта перестроить на томъ же христіанскомъ началѣ взаимной любви государство—этотъ жестокій принудительный институтъ, дѣйствующій физическою силою. Это была попытка соединить въ одно двѣ области, раздѣленныя словами Христа: „воздадите кесарево кесареви, а Божіе—Богови“. Возвышенная мечта осталась мечтою. Европейскіе дипломаты встрѣтили предложеніе Александра Павловича съ скептическими улыбками на устахъ и принимали его, какъ безвредное, какъ „звонкій пустякъ“, по выраженію князя Меттерниха, просто, чтобы сдѣлать пріятное побѣдителю Наполеона. Впрочемъ актъ не оказался безвреднымъ.

Религіознымъ союзомъ ловко воспользовался въ цѣляхъ своей чисто австрійской, ничего общаго съ Евангеліемъ не имѣвшей политики тогдашній дирижоръ европейской дипломатіи князь Меттернихъ.

Не менѣе горькій плодъ принесло также приложеніе мистическихъ началъ и во внутренней администраціи. Религіозное направленіе усвоено было близкими къ государю лицами. Ярче всего это направленіе сказалось на князѣ А. Н. Голицынѣ. Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, сверстникъ Александра и сотоварищъ его дѣтскихъ игръ, въ юности раціоналистъ и вольнодумецъ, проводившій свои молодые годы самымъ легкомысленнымъ образомъ въ вихрѣ свѣтскихъ удовольствій, вдругъ получилъ назначеніе въ оберъ-прокуроры Св. Синода. Голицынъ упорно отказывался отъ этого поста, ссылаясь прямо на свое невѣріе и на образъ жизни, но Александръ, желавшій имѣть на этомъ посту близкаго къ себѣ человѣка, не менѣе упорно настаивалъ, и Голицынъ принялъ назначеніе, только повинуясь государю. Прикоснувшись къ Священному Писанію по дѣламъ службы, Голицынъ былъ какъ бы озаренъ свѣтомъ Евангельской истины, сдѣлался глубоко проникнутымъ мистикомъ и въ порывахъ искренняго религіознаго чувства сталъ предаваться суровымъ аскетическимъ подвигамъ. Войдя въ правительственный кругъ, при своей близости къ государю, Голицынъ пользовался большою силой. Для подчиненныхъ и вообще для искателей всякаго рода земныхъ благъ при помощи сильныхъ міра подражаніе начальнику и высшему было обязательнымъ правиломъ поведенія. Мѣстныя отдѣленія Библейскаго общества, въ которомъ Голицынъ былъ президентомъ, находили ревностную поддержку въ чинахъ мѣстной администраціи. „Во всѣхъ“, говоритъ современникъ, „обнаружилась ревность къ слову Божію и стремленіе просвѣщать сѣдящихъ въ сѣни смертной. Губернаторы начали говорить рѣчи, совершенно похожія на проповѣди; городничіе и градскіе головы, капитанъ-исправники съ успѣхомъ распространяли св. Писаніе и доносили о томъ по начальству въ благочестивыхъ письмахъ, переполненныхъ текстами“. Въ молодомъ Петербургскомъ университетѣ подверглись изгнанію за вольнодумство четыре профессора: два философа и два политико-экономa. Адми-

нистрація Казанскаго университета подраздѣлила всѣ науки на два разряда: положительныя и мечтательныя. Къ положительнымъ наукамъ отнесено было богословіе, а къ мечтательнымъ всѣ остальныя. Въ инструкціи, составленной для руководства профессорамъ, каждому изъ нихъ вмѣнялось въ обязанность начинать курсъ своей науки доказательствомъ ея ничтожества передъ св. Писаніемъ. Профессору философіи инструкція предписывала держаться посланій апостола Павла, а отъ Гоббеса и Макіавелли отвращаться. Профессоръ математики, объясняя слушателямъ свойства прямоугольнаго треугольника, долженъ былъ говорить, что „гипотенуза въ прямоугольномъ треугольникѣ есть символъ срѣтенія правды и мира, правосудія и любви чрезъ Ходатая Бога и человѣковъ, соединившаго горнее съ дольнымъ и нѣбесное съ земнымъ“. На заголовкахъ бланковъ для исходящихъ изъ канцеляріи университета бумагъ печаталось: Во имя Святой единосущной животворящей и нераздѣльной Троицы. Министерство Народнаго Просвѣщенія. Императорскій Казанскій университетъ и. т. д. Такъ мистицизмъ, появляясь въ дипломатическихъ салонахъ, вызывалъ ироническія улыбки, а проникая въ присутственныя мѣста и канцеляріи, порождалъ низкопоклонное лицемѣріе и услужливое ханжество.

Печальнѣе всего было то, что, проникая въ далекія отъ него сферы, мистицизмъ начала XIX вѣка совсѣмъ игнорировалъ къ нему ближайшую и ту самую, въ которой религіозное воодушевленіе нашло бы себѣ правильный путь: Православная церковь въ этихъ мистическихъ кругахъ оставалась въ пренебреженіи. Для мистика, входившаго въ непосредственное соприкосновеніе съ Божествомъ, религія была вопросомъ второстепеннымъ; ко всякому исповѣданію онъ относился одинаково благосклонно или вѣрнѣе сказать одинаково равнодушно. Видимымъ выраженіемъ этого равнодушія къ Православной Церкви было то отношеніе, въ которое она была поставлена къ государственному управленію. Въ 1817 г. было учреждено новое министерство—Министерство Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Министромъ былъ назначенъ президентъ Библейскаго общества кн. А. Н. Голицынъ. Знаменательное для той эпохи соединеніе народнаго просвѣщенія съ духовными дѣлами было вызвано

желаніемъ, „дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія". Министерство подраздѣлено было на два департамента: департаментъ Духовныхъ дѣлъ и департаментъ Народнаго просвѣщенія. Во главѣ департамента Духовныхъ дѣлъ былъ поставленъ настоящій секретарь Библейскаго общества, А. И. Тургеневъ, человѣкъ пренебрежительно относившійся къ православному духовенству, презрительно говорившій служителямъ русской церкви „вы не Фенелоны". Директоромъ департамента народнаго просвѣщенія былъ сдѣланъ бывшій секретарь Библейскаго общества—должность, открывавшая, какъ видимъ, путь къ высокимъ карьерамъ—Вас. Мих. Поповъ, „кроткій изувѣръ", по отзыву Вигеля, „смирный, простой человѣкъ, котораго однако-жъ именемъ вѣры можно было подвигнуть на злодѣянія. Забавно подумать (если можно только назвать сіе забавнымъ), что оба директора чуждались ввѣренныхъ имъ частей: Тургеневъ весь занятъ былъ Обществомъ и происками, а Поповъ помышлялъ единственно о дѣлахъ религіозныхъ. Онъ былъ орудіемъ Библейскаго Общества, которое не скрывало своего намѣренія, разливая свѣтъ Божественной книги, разсѣять тьму нелѣпостей и суевѣрій, называемыхъ греко-каѳолическимъ восточнымъ исповѣданіемъ. Усердствуя соединенію вѣръ, о чемъ непрестанно молится наша церковь, сдѣлался скорѣе вмѣстѣ съ министромъ своимъ гонителемъ ихъ и покровителемъ всѣхъ сектъ. Размноженіе ихъ послѣдователей во время управленія Голицына было неимовѣрное" *). Департаментъ духовныхъ дѣлъ подраздѣлялся на четыре отдѣленія по дѣламъ разныхъ вѣръ: 1) отдѣленіе православной вѣры, 2) отдѣленіе римско-католическое, 3) протестантское, 4) отдѣленіе магометанской и еврейской вѣръ. Такимъ образомъ между прочими отдѣлами департамента, завѣдывавшими разными христіанскими и нехристіанскими вѣрами, было одно отдѣленіе, завѣдывавшее дѣлами православной церкви, считавшейся когда-то господствующей. Министру Духовныхъ дѣлъ, управляющему всѣми исповѣданіями, былъ подчиненъ и оберъ-прокуроръ св. Синода, безцвѣтный и безличный кн. П. С. Мещерскій. И такъ, пишетъ тотъ же Вигель, Голицыну съ Тургеневымъ удалось господствующую вѣру сравнять не только съ другими терпимыми, но даже съ нехристіанскими.

*) *Вигель* V. 17.

На негодованіе, на ропотъ нашего духовенства не обратили вниманія“ *). Не менѣе рѣзко отозвался объ этой реформѣ и другой ея современникъ, авторъ записки: „О судьбѣ русской православной церкви въ царствованіе императора Александра I“ Ал. Стурдза. „Въ основаніе“ (реформы), пишетъ онъ, „положена было свѣтлая мысль—сочетать навсегда науку съ религіей и скрѣпить благотворный между ними союзъ посредствомъ единства въ направленіи той и другой. Недавно заключенный въ Парижѣ Священный союзъ видимо отражался во вновь составленномъ обширномъ управленіи. Но отвлеченную мысль сію надлежало облечь въ видимую форму ввести въ объемъ государственныхъ учрежденій и согласить съ духомъ правительства и государства. Вотъ чего сдѣлать не съумѣли. Придумали сложное министерство бразды коего вручили одному лицу, доброму князю Голицыну какъ будто возможно было основать что-либо общественное на случайной личности. Итакъ, скроили платье по его росту по его отношеніямъ къ государю и связямъ съ семействомъ царя. Этого мало. Мудрые законоположники или забыли, или притворились забывшими, что въ Россіи существуетъ господствующая церковь, около которой толпятся многоразличныя вѣроисповѣданія. Всѣ сіи разнородныя стихіи ввели въ графы новаго положенія: учредили два департамента: одинъ духовныхъ дѣлъ вообще, другой народнаго просвѣщенія. Первый ввѣрили нетвердому въ вѣрѣ А. И. Тургеневу, а второй малограмотному В. М. Попову. Но самая грубая ошибка—впрочемъ, умышленная—состояла въ томъ что дѣла Синода и дѣла терпимыхъ религій, даже мусульманства и язычества—уставили въ рядъ и распредѣлили по отдѣленіямъ и столамъ въ одномъ и томъ же департаментѣ“ **).

Итакъ, преобразованіе духовной школы было начато въ благопріятную для духовной школы эпоху все возраставшаго въ обществѣ религіознаго одушевленія, но моментъ преобразованія грозилъ двумя опасностями. Во первыхъ, духовная школа, поддавшись вліянію внѣцерковнаго мистическаго теченія, рисковала потерять связь съ православной церковью. Другая опасность была со стороны того извнѣ примѣшав-

*) *Вигель* V, 67.

**) *Чистовичъ*, Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи, 185—186.

шагося къ мистическому настроенію обскурантизма, натиску котораго подверглась тогда свѣтская школа. Къ счастію духовная школа въ періодъ ея преобразованія оказалась въ рукахъ прозорливаго и вѣрнаго церкви кормчаго, твердая рука котораго провела ее надежнымъ путемъ среди грозившихъ ей опасностей.

III.

Мысль о преобразованіи духовной школы носилась въ правительственныхъ и церковныхъ сферахъ въ самые первые годы XIX вѣка, очевидно, въ связи съ преобразовательною волною, охватившею русскіе правящіе круги и была результатомъ того бодраго настроенія, того движенія впередъ, которымъ ознаменовалось „дней Александровыхъ прекрасное начало“, когда явилась мысль о переустройствѣ всего государственнаго управленія, когда въ интимномъ кружкѣ ближайшихъ друзей и совѣтниковъ государя въ такъ называемомъ Негласномъ комитетѣ горячо и энергично обсуждались самые широкіе и смѣлые политическіе планы, когда Сперанскій приготовлялъ первые наброски своего будущаго всеобъемлющаго проекта, когда учреждались Непремѣнный Совѣтъ и министерства, когда дѣлались первые приступы къ уничтоженію крѣпостного права, когда создавались новые университеты и устанавливалась система свѣтскихъ школъ. Вѣроятно не безъ связи съ переустройствомъ свѣтской школы еще въ мартѣ 1805 г. митрополитъ новгородскій Амвросій, первенствующій членъ св. Синода, представилъ государю проектъ преобразованія и школы духовной. И подобно тому, какъ преобразовательныя стремленія молодыхъ друзей Александра встрѣчали оппозицію со стороны умудренныхъ опытомъ екатерининскихъ сановниковъ стариковъ, видѣвшихъ въ этихъ стремленіяхъ опасность для заведенныхъ великой государыней учрежденій и порядковъ, точно также и реформаторскія вѣянія въ области церковной школы встрѣчены были съ неудовольствіемъ со стороны церковныхъ сановниковъ, по духу и воззрѣніямъ всецѣло принадлежавшихъ екатерининскому вѣку. „Новое объ училищахъ учрежденіе я читалъ“, пишетъ знаменитѣйшій изъ русскихъ іерарховъ екатерининскаго времени московскій митрополитъ Платонъ

„Исторія о духовныхъ училищахъ выведена изрядно. И сіе самое доказываетъ, что учрежденіе доселѣ было похвально и порядокъ ученія производимъ былъ основательно... Объ училищахъ должно разсуждать не по учрежденіямъ, а по успѣхамъ. Успѣхъ хорошъ, то видно и учрежденіе хорошо. Что на молодыхъ смотрѣть; мы старики, да въ семъ дѣлѣ, кажется, и опытные... Дай Богъ, чтобы такіе и впредь выходили... А ежели новый методъ введется, то едва ли ожидать можно лучшаго успѣха, а затрудненія и запутанности больше будетъ".

Государь, руководимый совѣтами оберъ-прокурора кн. А. Н. Голицына, сталъ на сторону преобразовательнаго движенія: 29 ноября 1807 г. былъ учрежденъ особый „Комитетъ о усовершеніи духовныхъ училищъ" изъ 6 членовъ. Въ составъ комитета вошли два іерарха: митрополитъ новгородскій Амвросій и епископъ Калужскій Ѳеофилактъ, два члена бѣлаго духовенства: царскій духовникъ Сергій и оберъ-священникъ (управляющій военнымъ духовенствомъ) Іоаннъ и два свѣтскихъ члена: оберъ-прокуроръ кн. А. Н. Голицынъ и человѣкъ, безъ котораго въ тѣ годы не обходилось ни одно сколько-нибудь важное государственное дѣло, находившійся тогда въ зенитѣ своего вліянія—статсъ-секретарь М. М. Сперанскій.

Сперанскій вышелъ изъ церковной среды, изъ сельскаго духовенства. Сынъ сельскаго священника села Черкутина, задумчивый, тихій и ласковый мальчикъ съ дѣтскихъ раннихъ лѣтъ, съ первыхъ же классовъ духовной школы выдвинулся своими блестящими дарованіями. Его таланты, расцвѣтающіе и развертывающіеся съ каждымъ годомъ дальнѣйшей жизни, ведутъ его въ высшую духовную школу, а оттуда открываютъ ему путь на верхи государственной службы, къ почестямъ и славѣ. Умъ Сперанскаго, свѣтлый и тонкій, способный охватить во всю ширь явленія государственной жизни, проникнуть въ самыя сложныя ея извилины и отчетливо въ нихъ разобраться, дѣлалъ его незамѣнимымъ на правительственной вершинѣ. Его мышленіе, воспитанное схоластической духовной школой XVIII вѣка, отличалось двумя чертами: отвлеченностью и смѣлостью полета. Для него не существовало никакихъ реальныхъ, конкретныхъ препятствій. Сперанскій созерцалъ человѣческое общество и

государство, какъ бы взлетѣвъ на орлиную высоту, откуда скрадываются природные рельефы, дѣйствительныя очертанія мѣстности, и оттуда перестраивалъ соціальный укладъ общества и государственныя учрежденія по правиламъ строгой логики. Его политическая мысль выросла и воспиталась въ эпоху расцвѣта политической литературы, дававшей заранѣе сообразно съ требованіями разума составленные планы и чертежи построеній государствъ и обществъ, и въ эпоху величайщихъ практическихъ попытокъ перестроить міръ по этимъ планамъ. Передъ глазами поколѣнія, къ которому онъ принадлежалъ, во Франціи сочинялись и примѣнялись къ дѣйствительности одна за другою стройныя и красиво на бумагѣ изложенныя конституціи государства. Государственная дѣятельность Сперанскаго не ограничилась только его вліятельнымъ участіемъ въ разрѣшеніи вопросовъ текущей политики. Смѣлому взмаху его творчества былъ открытъ широкій просторъ, а воплощеніе его проектовъ въ жизнь обезпечивалось содѣйствіемъ Верховной власти, поддерживавшей мысль Сперанскаго. Императоромъ Александромъ было ему поручено составленіе плана всеобщаго государственнаго преобразованія. Въ области политическаго творчества трудно указать что либо болѣе всеобъемлющее и смѣлое, чѣмъ этотъ планъ. Онъ возвращаетъ насъ во времена Ликурга и Солона, но имѣетъ въ виду не миніатюрную городскую республику, а необъятную громаду русскаго государства. Мѣнялся сразу вѣками сложившійся сословный строй русскаго общества, однимъ почеркомъ пера уничтожалась та застарѣлая язва русской жизни, съ которою пришлось бороться нѣсколькимъ поколѣніямъ—крѣпостное право, вводилось новое раздѣленіе Россіи, сверху до низу перестраивались государственныя учрежденія, начиная съ Государственной Думы, Сената и Министерствъ, кончая волостными думами, волостными судами и управленіями. По всѣмъ этажамъ государственнаго зданія проводилось отчетливое и строгое раздѣленіе властей и весь государственный строй долженъ былъ быть проникнутъ однимъ скрѣпляющимъ началомъ, однимъ цементомъ, сообщавшимъ прочную взаимную связь всѣмъ частямъ зданія, свято соблюдаемымъ и всюду царящимъ закономъ. Если бы плану Сперанскаго суждено было осуществиться и войти въ жизнь—передъ

величіемъ совершеннаго имъ дѣла померкли бы такіе перевороты въ исторіи, какъ французская революція, какъ реформа Петра Великаго у насъ.

Рука, писавшая всеобъемлющій планъ государственнаго преобразованія, находила досугъ взяться и за проектъ преобразованія духовной школы. Сперанскій работалъ надъ этимъ проектомъ очень усердно. За какое бы дѣло онъ ни брался, онъ вездѣ выступалъ на первое мѣсто. Онъ умѣлъ быстро постигнуть суть дѣла, схватить его основныя нити, овладѣть имъ и затѣмъ въ дальнѣйшемъ направлять его по своей мысли. Первенствующее значеніе получилъ онъ и въ Комитетѣ о усовершеніи духовныхъ училищъ, ведя работу съ поразительною быстротою. 26 іюня 1808 г. комитетъ представилъ государю докладъ о состояніи духовныхъ школъ и программу ихъ преобразованія.

Существующая духовная школа была подвергнута въ докладѣ внимательной критикѣ. Главными недостатками школы, находившими себѣ объясненіе въ ея исторіи, были признаны: отсутствіе какой либо системы въ устройствѣ училищъ, сосредоточеніе въ единственной школѣ, обслуживающей цѣлую епархію, въ семинаріи—духовнаго образованія всѣхъ степеней, начиная отъ элементарныхъ предметовъ первоначальной школы до высшихъ наукъ, отъ азбуки до вершинъ философіи.

„Въ самомъ расположеніи ученія“, читаемъ мы въ этомъ докладѣ, „доселѣ не было наблюдено надлежащей удобности и раздѣленія. Для каждой епархіи, простирающейся часто на великое разстояніе и объемлющей болѣе цѣлой губерніи, учреждена одна семинарія и въ ней вмѣщены всѣ предметы ученія, такъ что кругъ ихъ, бывъ стѣсненъ въ одномъ мѣстѣ и отъ первоначальныхъ познаній простираясь до самыхъ высшихъ наукъ, не оставляетъ симъ послѣднимъ ни надлежащаго времени, ни нужнаго пространства. Къ облегченію семинарій заведены въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, какъ то: въ Новгородской, Московской и немногихъ другихъ малыя приготовительныя училища: но сіе установленіе не вездѣ могло воспріять свое дѣйствіе“*). Наконецъ, третьимъ недостаткомъ духовной школы выставлялось чрезмѣрное господство въ ней латинскаго языка, на которомъ шло тогда

*) П. С. З. № 23—125.

Инв. № 468684

все преподаваніе и которымъ блистала тогда наша іерархія, начиная съ Платона. Вслѣдствіе этого преобладанія, замѣчаетъ докладъ, „ученіе письменъ славянскихъ и еллинскихъ, толико для церкви нашей необходимыхъ, мало по малу ослабѣвало, и нынѣ... не во всѣхъ семинаріяхъ находится въ надлежащей силѣ и дѣйствіи“.

Въ своей положительной программѣ, представленной государю вмѣстѣ съ докладомъ подъ заглавіемъ „Начертаніе правилъ о образованіи духовныхъ улилищъ“, Комитетъ предлагалъ стройную систему духовныхъ школъ и проводилъ раздѣленіе предметовъ преподаванія по послѣдовательнымъ ступенямъ школы. Каждой ступени школы: нижней, средней и высшей отводился соотвѣтствующій кругъ наукъ, и такимъ образомъ семинарія, гдѣ нерѣдко всѣ науки бывали безпорядочно сбиты, разгружалась, переставала быть одновременно и первоначальной, и средней, и высшей школой. Училища духовныя, гласила эта программа, полагаются четырехъ родовъ: академіи, семинаріи, училища уѣздныя и приходскія. Нѣсколько приходовъ одного уѣзда имѣютъ одно приходское училище. На одинъ или нѣсколько уѣздовъ, судя по числу приходовъ, учреждается одно духовное уѣздное училище. Въ каждой епархіи должно находиться одно епархіальное училище или семинарія. Нѣсколько епархій вмѣстѣ имѣютъ одну духовную академію. Эти школы четырехъ степеней связаны между собою послѣдовательностью предметовъ преподаванія.

„По раздѣленію сему“, читаемъ въ докладѣ, „*духовныя академіи*, не препинаяся въ поприщѣ, имъ предназначенномъ первоначальнымъ и такъ сказать стихійнымъ обученіемъ наукъ грамматическихъ и историческихъ, займутъ въ наукахъ философскихъ и богословскихъ пространство, имъ приличное, и станутъ на чредѣ просвѣщенія, высшему духовному образованію свойственной. *Семинаріи* въ степени ученія, имъ присвояемомъ, доставятъ академіямъ воспитанниковъ, въ словесныхъ наукахъ уже свѣдущихъ и успѣхами отличившихся, доставятъ церкви служителей, имѣющихъ достаточное познаніе соразмѣрно классу мѣстъ, имъ назначаемыхъ и, наконецъ, будутъ сверхъ того отдѣлять ежегодно извѣстное число учениковъ для наукъ медицинскихъ. *Училища уѣздныя*, сблизясь съ ученіемъ домашнимъ (проектъ

разрѣшалъ обучать дѣтей элементарнымъ знаніямъ дома и только приводить ихъ на экзамены въ училище), дадутъ родителямъ лучшіе способы и съ меньшимъ иждивеніемъ наставлять дѣтей въ познаніяхъ, возрасту и назначенію ихъ свойственныхъ. Наконецъ, *училища приходскія* въ самыя села и деревни распространятъ отрасли единообразнаго и методическаго ученія и разсѣянное нынѣ подъ частнымъ и нерѣдко недостаточнымъ призрѣніемъ юношество соберутъ и соединятъ подъ общій и единообразный надзоръ". Отъ такой системы школъ и отъ раздѣленія предметовъ Комитетъ ожидалъ самыхъ благихъ послѣдствій. „Такимъ образомъ", заключалъ комитетъ свои соображенія о послѣдовательномъ раздѣленіи школъ, „каждый возрастъ получитъ свойственное ему образованіе и приличный степень удобренія и симъ постепеннымъ раздѣленіемъ наукъ общіе успѣхи будутъ обнадежены, а отличнымъ способностямъ откроется пространнѣйшее поле дѣйствія"*.

Кромѣ послѣдовательности въ самомъ обученіи, школы разныхъ ступеней связывались еще административными узами и должны были представлять собою іерархическую систему. Низшая ступень находится подъ управленіемъ слѣдующей высшей. Уѣздныя училища надзираютъ за приходскими; правленіе семинаріи надзираетъ за уѣздными училищами, правленіе академическое управляетъ семинаріями, состоящими въ его округѣ. Наконецъ, на вершинѣ управленія духовными школами должна стоять учреждаемая при Св. Синодѣ Комиссія Духовныхъ училищъ. Въ той логической стройности, съ которою располагалась система духовныхъ школъ, нельзя не видѣть признака, отличавшаго всѣ вообще законодательныя работы Сперанскаго. Нельзя также не замѣтить, что предложенная докладомъ система весьма близко соотвѣтствовала установленной при Александрѣ I системѣ школъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, гдѣ также во главѣ управленія школой стояла Комиссія училищъ, введены были округа и гдѣ университетъ поставленъ былъ въ административныя отношенія къ гимназіямъ и уѣзднымъ училищамъ своего учебнаго округа.

Въ частности составленное Комитетомъ „Начертаніе правилъ" намѣчало въ основныхъ чертахъ новое значеніе и

*) П. С. З. № 23-122.

кругъ дѣятельности духовныхъ академій. Дѣятельность академіи по „Начертанію“ касается трехъ предметовъ: это, во-первыхъ—образованіе духовнаго юношества къ высшимъ духовнымъ должностямъ; во-вторыхъ—распространеніе и поощреніе учености въ духовенствѣ и, наконецъ, въ третьихъ—управленіе училищами своего округа; иначе сказать, академія выступаетъ передъ нами въ этой программѣ съ чертами учебно-учено-административнаго учрежденія. Каждый изъ трехъ видовъ своей дѣятельности академія осуществляетъ въ особомъ составѣ. Преподаваніе наукъ она развиваетъ, какъ „Академическій институтъ“, состоящій изъ профессоровъ съ ректоромъ во главѣ, и „Начертаніе“ вводитъ насъ въ кругъ учебныхъ предметовъ, проходимыхъ въ академіи, распредѣляя ихъ по группамъ или классамъ. Это—классъ словесныхъ наукъ, классъ историческихъ наукъ, классъ математическихъ наукъ, философія, богослсвіе, языки. Какъ высшее ученое учрежденіе, имѣющее задачей распространеніе учености въ духовенствѣ, выступаетъ академическая Конференція, въ которую подъ предсѣдательствомъ епархіальнаго іерарха входитъ академическая преподавательская корпорація, а также почетные члены академіи. Конференція занимается цензурой духовныхъ книгъ, производствомъ экзаменовъ и возведеніемъ въ ученыя степени. Наконецъ, какъ административный органъ, академія является въ видѣ *правленія* внутренняго, вѣдающаго управленіе самой академіи (ректоръ, одинъ изъ профессоровъ академіи и экономъ) и внѣшняго, вѣдающаго управленіе семинаріями, подчиненными академіи (ректоръ, два члена правленія, два члена конференціи).

IV.

26-го іюня 1808 г. докладъ Комитета о усовершеніи духовныхъ училищъ и его программа или „Начертаніе правилъ о образованіи духовныхъ училищъ“ получили высочайшее утвержденіе и въ тотъ же день былъ учрежденъ высшій органъ для завѣдыванія духовными школами, тотъ самый, который и предлагался комитетомъ,—Комиссія Духовныхъ Училищъ. Членами комиссіи были назначены прежніе члены комитета. На комиссію были возложены обязан-

ности двоякаго рода: временныя, организаціонныя, заключавшіяся въ проведеніи намѣченной духовно-учебной реформы, и постоянныя административныя, заключавшіяся въ постоянномъ управленіи училищами. Въ организаціонныхъ трудахъ комиссіи душою дѣла продолжалъ быть по-прежнему М. М. Сперанскій. Онъ принялъ на себя изготовленіе подробнаго академическаго устава и повелъ работу съ обычною отличавшею его быстротой. Комиссія открыла свои дѣйствія въ августѣ 1808 года, а въ февралѣ 1809 г. Сперанскій представилъ уже ей первую часть устава духовныхъ академій. Соотвѣтственно съ тремя видами дѣятельности академіи, какъ учебно-учено-административнаго учрежденія, намѣченными комитетомъ въ его „Начертаніи правилъ о духовныхъ училищахъ", академическій уставъ долженъ былъ распадаться на три части: первая говорила объ академіи, какъ высшемъ духовномъ училищѣ, вторая—имѣла своимъ предметомъ правила, руководствующія академію въ ея обязанности распространять и поощрять ученость въ духовенствѣ ввѣреннаго ей округа и третья—была отведена правиламъ, по которымъ академія должна была дѣйствовать на управленіе училищъ, ей подчиненныхъ. Первая часть устава была написана Сперанскимъ; но на этомъ его работа и кончилась. Самъ бывшій преподаватель петербургской Александро-Невской академіи Сперанскій, будучи членомъ комитета и затѣмъ комиссіи духовныхъ училищъ, оказывалъ вліяніе на петербургскую академію. Нельзя сказать, чтобы это вліяніе держалось строго православной линіи. Сперанскій не остался нетронутымъ вліяніями духа времени. Не доходя до такихъ крайностей, какъ посѣтитель собраній у Татариновой кн. А. Н. Голицынъ, Сперанскій былъ однимъ изъ видныхъ мистиковъ той эпохи, все болѣе углублялся въ мистическую литературу. Ему принадлежитъ переводъ книги Ѳомы Кемпійскаго. Родившійся и воспитанный подъ сѣнію православнаго храма, самъ выйдя изъ духовной среды, онъ затѣмъ былъ довольно равнодушенъ и къ православной церкви и къ участи русскаго духовенства. И въ академіи Сперанскій склоненъ былъ проявлять свое сочувствіе скорѣе обще-христіанскому мистицизму, чѣмъ православному ученію. На этой почвѣ онъ столкнулся съ иными, строго-церковными взглядами и устранился отъ дальнѣйшей

дѣятельности въ комиссіи духовныхъ училищъ. Дѣло, имъ неоконченное, доканчивалъ другой членъ комиссіи, архіепископъ калужскій, затѣмъ рязанскій, Θеофилактъ, поморъ по происхожденію, положительный, надѣленный большимъ запасомъ здраваго смысла умъ, характеръ, чуждый мистическихъ настроеній, человѣкъ практической складки, вѣроятно, въ виду этихъ качествъ получившій впослѣдствіи порученіе устраивать церковныя дѣла въ западныхъ губерніяхъ, разоренныхъ непріятелемъ во время Отечественной войны, дѣятельность, которая требовала знанія именно практической жизни. Переработавъ нѣсколько первую часть академическаго устава, изготовленную Сперанскимъ, Θеофилактъ дописалъ недостающія вторую и третью его части. Въ 1810 г. проектъ устава былъ напечатанъ и сталъ примѣняться для опыта въ петербургской академіи.

Приводить въ дѣйствіе этотъ опытъ выпало на долю человѣка, который явился тогда восходящей звѣздою на церковномъ небосклонѣ, духовный свѣтъ котораго началъ привлекать къ себѣ взоры, сіять все ярче и который затѣмъ сталъ великимъ свѣтильникомъ православной церкви. Я говорю о Филаретѣ, будущемъ знаменитомъ московскомъ митрополитѣ, въ тѣ годы занимавшемъ въ санѣ архимандрита мѣсто ректора петербургской академіи. О Филаретѣ до сихъ поръ не перестали еще спорить и высказывать діаметрально противоположныя сужденія,—вѣрный признакъ выдающагося значенія предмета спора. Ему произносились и писались панегирики. Въ сужденіяхъ другихъ находитъ себѣ отзвукъ крайне рѣзкая характеристика, данная ему еще С. М. Соловьевымъ въ его запискахъ, гдѣ знаменитый историкъ порицалъ іерарха за недостатокъ сердечной теплоты, за преобладаніе холоднаго ума надъ чувствомъ, за деспотизмъ, проявленный имъ въ управленіи *). Но никогда никто даже изъ нападавшихъ на него не отрицалъ ни его глубокаго ума, ни чистоты его православныхъ воззрѣній. Глубокій природный умъ, дѣйствующій тонкой, острой, несокрушимо логичной мыслью, широта и разнообразіе пріобрѣтенныхъ образованіемъ познаній, чистота и красота слова, соединенная съ его поразительной точностью, способность постигать и из-

*) *Соловьевъ*. Записки, 14 и сл.

ясннять глубочайшіе и сложнѣйшіе богословскіе вопросы и строгая вѣрность ученію православной церкви,—вотъ качества, высоко выдвигавшія Филарета среди современной ему русской іерархіи. Привлеченный въ петербургскую академію, какъ выдающаяся преподавательская сила, поставленный затѣмъ во главѣ академіи, онъ за короткое время сталъ необходимъ при разрѣшеніи каждаго сколько-нибудь важнаго церковнаго вопроса. Практически знакомый съ дѣйствіемъ новыхъ порядковъ, примѣнявшихся въ видѣ опыта въ петербургской духовной академіи, онъ въ апрѣлѣ 1814 г. былъ привлеченъ къ участію въ Комиссіи Духовныхъ Училищъ и ему было поручено вновь пересмотрѣть и переработать уставы духовныхъ школъ. Это порученіе онъ исполнилъ къ августу 1914 г. Филаретъ въ молодые годы въ эпоху преподавательства и ректорства въ петербургской духовной академіи, также не чуждъ былъ мистическихъ вліяній. Онъ былъ близокъ съ кн. А. Н. Голицынымъ, все болѣе цѣнившимъ его умъ и таланты и все болѣе его выдвигавшимъ. Онъ былъ ревностнымъ и дѣятельнымъ членомъ Библейскаго Общества. Но вліянія духа времени коснулись его только поверхностно и ни на одну черту не подѣйствовали на твердую неизмѣнную основу его строго-православнаго взгляда. При переработкѣ уставовъ онъ счелъ своею обязанностью стать на стражѣ церковнаго ученія и уберечь молодежь отъ возможнаго совсѣмъ уже не церковнаго вліянія писателей эпохи Просвѣщенія, задача, къ которой былъ совершенно равнодушенъ Сперанскій, поклонникъ французской литературы XVIII в. и воспитанный на ней. Какъ ревниво дѣйствовалъ будущій московскій святитель въ этомъ направленіи, показываютъ его замѣчанія на статьи 116 и 120 проекта устава академіи, принадлежащія перу Сперанскаго. Въ этихъ статьяхъ, распространяясь о преподаваніи наукъ по классу словесности съ бо̀льшею подробностью, чѣмъ о преподаваніи по другимъ классамъ, Сперанскій указалъ образцовыхъ писателей, съ которыми профессоръ долженъ былъ ознакомить своихъ слушателей. Такихъ указаній по другимъ классамъ наукъ сдѣлано не было. „Въ замѣчаніяхъ о классѣ словесныхъ наукъ“,—пишетъ по поводу этихъ статей Филаретъ,—„между прочимъ образцовыми писателями поименованы Боало, Сюльцеръ, Баумгартенъ, Бюффонъ, Дю-

марсе и особенно рекомендованъ Беккарій. Но въ статьяхъ о математикѣ, философіи, богословіи ни объ одномъ изъ новыхъ писателей именно не сказано. Что это значитъ?— скажетъ внимательный читатель устава духовныхъ академій. Неужели въ духовныхъ училищахъ должны быть славнѣе имена словесниковъ, нежели богослововъ? Или богословіе, философія, математика не имѣютъ столь важныхъ въ своемъ родѣ писателей, какъ словесность? И кто же суть сіи наставники словесности? Это—Бюффонъ, Дюмарсе, Беккарій, натуралисты, подвижники вольтеріанской философіи! Особенно Беккарій, который въ книгѣ о преступленіяхъ и наказаніяхъ называетъ присягу обрядомъ безполезнымъ и противнымъ природѣ человѣческой; въ § 24 не совѣтуетъ наказывать за богохуленіе; въ § 35 оправдываетъ самоубійство? Неужели умъ человѣческій только во врагахъ истиннаго и добраго могъ постигнуть изящное? Дабы отвратить сіи огорчительныя соображенія, не будетъ несправедливо исчисленныя здѣсь имена изъ устава вычернить и особенно III пункту дать слѣдующее преобразованіе: профессоръ класса словесности долженъ показать студентамъ мнѣнія о изящномъ лучшихъ въ семъ родѣ писателей, каковы суть изъ древнихъ: Платонъ, Аристотель, Цицеронъ, Горацій, Квинтиліанъ, Лонгинъ; изъ новѣйшихъ—Фенелонъ, Ролленъ. Другіе новѣйшіе должны быть употребляемы съ прозорливою критикою, потому что нѣкоторые дерзкимъ и пагубнымъ отвлеченіемъ отторгли изящное отъ истиннаго и добраго“ *). Такъ надъ первымъ уставомъ духовныхъ академій поработали два замѣчательныхъ русскихъ ума XIX вѣка: Сперанскій и Филаретъ. Проектъ устава, выходя изъ рукъ Сперанскаго, отразилъ на себѣ властныя умственныя вѣянія времени; но строгою и твердою рукою Филарета былъ введенъ въ прямое русло православной церковности.

Уставъ духовныхъ академій былъ приготовленъ одновременно съ уставами семинарій и училищъ, и всей этой совокупности уставовъ было предпослано обще введеніе, заключающее въ себѣ указаніе цѣлей и задачъ духовной школы и изложеніе общихъ принциповъ, положенныхъ въ основу воспитанія и обученія въ ней. Цѣль воспитанія въ духовной

---

*) *Чистовичъ*, op. cit. 122—123.

школѣ выводится изъ цѣли воспитанія вообще. Общая цѣль воспитанія юношества, читаемъ мы въ этомъ введеніи, есть образованіе нравственныхъ и физическихъ способностей, согласное съ его предуставленіемъ. Главное предуставленіе юношества духовнаго состоитъ въ утвержденіи и распространеніи истиннаго благочестія, и затѣмъ эти двѣ посылки даютъ умозаключеніе: Изъ сего открывается особенная цѣль духовнаго ученія. Оно должно образовать благочестивыхъ и просвѣщенныхъ служителей Слова Божія. Далѣе излагаются принципы воспитанія и обученія въ школѣ.

Начало нравственнаго воспитанія есть Страхъ Господень, начало всякой премудрости. Сей спасительный страхъ долженъ быть вперяемъ не словами только, коихъ частое повтореніе дѣлается безплоднымъ, но наипаче утвержденіемъ и распространеніемъ между юношами здравыхъ понятій о непрерывности отношеній нашихъ къ Богу и о дѣйствіяхъ промысла Его на всѣ мгновенія жизни: понятія сіи должны наипаче быть укрѣпляемы примѣромъ и богобоязненностью наставниковъ и смотрителей. Благочестіе ихъ есть краеугольный камень христіанскаго воспитанія. Духовная школа должна быть проникнута строгой дисциплиной. „Послѣ духовныхъ упражненій“, читаемъ далѣе въ уставѣ, „ничто столько не укореняетъ началъ христіанской нравственности, какъ привычка къ повиновенію. Не можетъ тотъ быть покоренъ Богу, кто строптивъ предъ человѣками. Посему всѣ установленія, утверждающія повиновеніе и уваженіе къ начальству, должны быть наипаче въ духовныхъ училищахъ строго охраняемы“. Вредная праздность изгоняется изъ школы. „Нравственность юношей отлично назидается добрымъ употребленіемъ времени и непрерывною дѣятельностью. По сему время учащихся такъ должно быть распредѣлено, чтобъ всякое понятіе о праздности было отъ нихъ удаляемо. Самые часы отдохновенія должны имѣть свой родъ занятій; самыя прогулки должны быть поучительны. Юношество въ цѣляхъ нравственнаго воздѣйствія охраняется непрерывнымъ и неустаннымъ надзоромъ. „Во всѣхъ возрастахъ, особенно же въ юности, добрыя правила и добрыя привычки должны быть охраняемы надзо́ромъ. По сему учащіеся во всѣхъ положеніяхъ ихъ должны быть окружены самымъ внимательнымъ присмотромъ. Попечительное око надзирателей должно

быть обращено на нихъ въ классахъ, слѣдовать за ними внѣ классовъ и невидимо сопровождать ихъ даже внѣ училища". Итакъ, благочестіе, повиновеніе старшимъ, трудъ и попечительный надзоръ — вотъ основныя начала нравственнаго воспитанія по уставу.

Основное начало ученія — самодѣятельность учащихся. Задача обученія—возбуждать въ ученикахъ самостоятельную работу мысли, а не напитывать ихъ поверхностными знаніями. „Нѣтъ ничего тщетнѣе и слабѣе", говорится во введеніи къ уставамъ, „какъ ученость, пріобрѣтенная наслышкою. По сему первое правило учебнаго управленія есть стараться возбуждать собственныя силы учащихся, давать имъ случай и удобность дѣйствовать. Лучшій наставникъ есть не тотъ, кто блистательно самъ говоритъ и изъясняетъ, но тотъ, кто заставляетъ учащихся размышлять и изъяснять. Посему всѣ методы ученія въ духовныхъ училищахъ должны быть основаны на собственныхъ упражненіяхъ юношества". Учитель долженъ только помогать развитію ума. „Добрая метода ученія", повторяется та же мысль въ уставѣ духовныхъ академій, „состоитъ въ томъ, чтобъ способствовать къ раскрытію собственныхъ силъ и дѣятельности разума въ воспитанникахъ, а посему пространныя изъясненія, гдѣ профессоры тщатся болѣе показывать свой умъ, нежели возбуждать умъ слушателей, доброй методѣ противны". Самостоятельная дѣятельность ума должна быть также цѣлью чтенія книгъ. Чтеніе должно возбуждать у учащихся такую же умственную работу, какъ и писаніе сочиненій. Читать книги надо не иначе, какъ съ выборомъ, а усвоеніе читаемаго слѣдуетъ провѣрять отчетомъ. Чтеніе не менѣе требуетъ назначенія и отчета, какъ и сочиненіе; ибо ничто не можетъ быть болѣе вредно, какъ чтеніе произвольное, поверхностное, разсѣянное, безъ точной цѣли и безъ аналитическаго разбора. Оно напыщаетъ умъ, затмѣваетъ понятія, пріучаетъ къ разсѣянности мыслей и есть ничто другое, какъ пища праздности и пустое препровожденіе времени *).

Главныхъ основъ устава духовныхъ Академій редакція Филарета не мѣняла. Онѣ тѣ же, что и въ проектѣ 1910 г. Академія представляетъ изъ себя учрежденіе тріединаго вида:

---

*) П. С. З. № 25673.

высшую духовную школу, высшее духовно-ученое учрежденіе и административный органъ для управленія духовными школами низшихъ подчиненныхъ ей степеней.

Въ редакціи, данной имъ Филаретомъ, уставы духовныхъ академій и другихъ духовныхъ школъ были утверждены императоромъ 30 августа 1814 г. Въ указѣ комиссіи духовныхъ училищъ, которыми сопровождалось это утвержденіе, Александръ I выразилъ свой взглядъ на задачи духовной школы. „Я желаю", говорилось въ указѣ, „чтобы комиссія обратила свое вниманіе... на училища, чтобы устроить ихъ въ прямомъ смыслѣ училищами истины. Просвѣщеніе по своему значенію есть распространеніе свѣта и, конечно, должно быть того, который во тьмѣ свѣтится и тьма его не объятъ. Сего то свѣта держась во всѣхъ случаяхъ, вести учащихся къ истиннымъ источникамъ и тѣми способами, коими Евангеліе очень просто, но премудро учитъ: тамъ сказано, что Христосъ есть путь, истина и животъ: слѣдовательно внутреннее образованіе юношей къ дѣятельному христіанству да будетъ единственною цѣлью сихъ училищъ" *).

Работы по преобразованію духовной школы, начатыя еще въ 1808 г. нѣсколько запоздали вслѣдствіе тревогъ и бѣдъ, принесенныхъ отечественною войною; которая отодвинула на второй планъ всѣ другія дѣла. Когда военная гроза стихла, когда русская жизнь вошла вновь въ свое русло, можно было двинуть и дѣло школьной реформы. Къ тому же готовъ былъ первый выпускъ студентовъ жившей уже съ 1810 г. по новому уставу петербургской духовной академіи, выпускъ, который долженъ былъ дать кадръ преподавателей для другихъ академій и семинарій. Подготовка введенія новаго устава въ дѣйствительную жизнь была возложена на того же сильнаго духомъ пастыря церкви, которому была поручена и окончательная редакція уставовъ—на Филарета. „Въ 1814 г.", говоритъ историкъ духовной школы, „во всѣхъ постановленіяхъ и распоряженіяхъ комиссіи духовныхъ училищъ Филаретъ принималъ самое живое и дѣятельное участіе. Въ это горячее время, когда съ окончаніемъ I-го курса въ С.-Петербургской духовной академіи подводились, такъ сказать, первые итоги результатовъ, достигнутыхъ преобразованіемъ духовныхъ училищъ, когда по указаніямъ первона-

*) П. С. З. № 25673.

чальнаго опыта ограниченнаго числа учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго округа, полагалось переустроить всѣ духовныя училища въ Россіи и надлежало установить для нихъ постоянный и прочный порядокъ на будущее время, Филаретъ, можно сказать, несъ на своихъ плечахъ все это дѣло и въ одно и то же время представлялъ обширнѣйшіе и сложнѣйшіе проекты, просматривалъ и дополнялъ уставы, подготовлялъ учебныя заведенія къ преобразованію и наблюдалъ за преобразованіемъ ихъ, организовалъ порядокъ классныхъ занятій въ академіяхъ и семинаріяхъ, составлялъ конспекты богословскихъ наукъ для академій и семинарій, разсматривалъ программы академическихъ и семинарскихъ преподавателей, выбиралъ и рекомендовалъ учебники и держалъ въ рукахъ всѣ нити учебнаго дѣла въ цѣлой Россіи“ *).

Въ апрѣлѣ 1814 г. комиссія разсматривала составленный Филаретомъ проектъ открытія московскаго духовно-учебнаго округа и преобразованія московской духовной академіи по новому уставу. Московскую академію не предстояло создавать вновь. Она уже существовала съ 1685 г., она развивалась самостоятельно и жила вполнѣ самобытною жизнью. За свое болѣе чѣмъ вѣковое существованіе старая Славяно-Греко-Латинская академія, дѣтище братьевъ Лихудовъ, неоднократно измѣнялась. По мысли ея основателей, людей близкихъ къ царю Ѳедору Алексѣевичу и царевнѣ Софьѣ, она предназначалась быть общеобразовательной школой, первымъ русскимъ университетомъ и по открытіи своемъ наполнилась искавшими образованія студентами всѣхъ сословій московскаго общества, среди которыхъ было не мало титулованной знати. Затѣмъ она усвоила значеніе высшей духовной школы, но усвоивъ такое значеніе она возрастила въ стѣнахъ своихъ того, кто создалъ первый русскій университетъ—Ломоносова. Она была поддержана вниманіемъ и заботами митрополита Платона. Въ началѣ XIX в. въ ней преподавались духовныя и словесныя науки, а кромѣ того и медицина. Въ 1802 г. контора медицинской коллегіи составляла программу для чтенія въ ней медицинскихъ наукъ и предписывала врачу—преподавателю медицины въ первый годъ читать анатомію, физіологію, общую патологію и тера-

*) *Чистовичъ*, op. cit. 143.

пію, а во второй годъ ботаническую философію и врачебное веществословіе россійскихъ вещей, а особливо дикорастущихъ въ московской губерніи растеній. Славяно-греко-латинская академія могла гордиться своими заслугами передъ страной: изъ нея вышелъ цѣлый сонмъ образованныхъ іерарховъ и пастырей церкви и свѣтскихъ образованныхъ людей. Но къ началу XIX стол. академія съ ея схоластическимъ направленіемъ и методами, съ ея латинскимъ языкомъ, на которомъ велось преподаваніе, уже отживала свой вѣкъ и должна была уступить новымъ педагогическимъ вѣяніямъ. Итакъ, предстояло не основывать московскую духовную академію, а существующую вдвинуть въ новую систему, приспособить къ новымъ методамъ, поставить во главѣ учебнаго округа и придать ей видъ того тріединаго учрежденія, какимъ должна была быть духовная академія по уставу 1814 года.

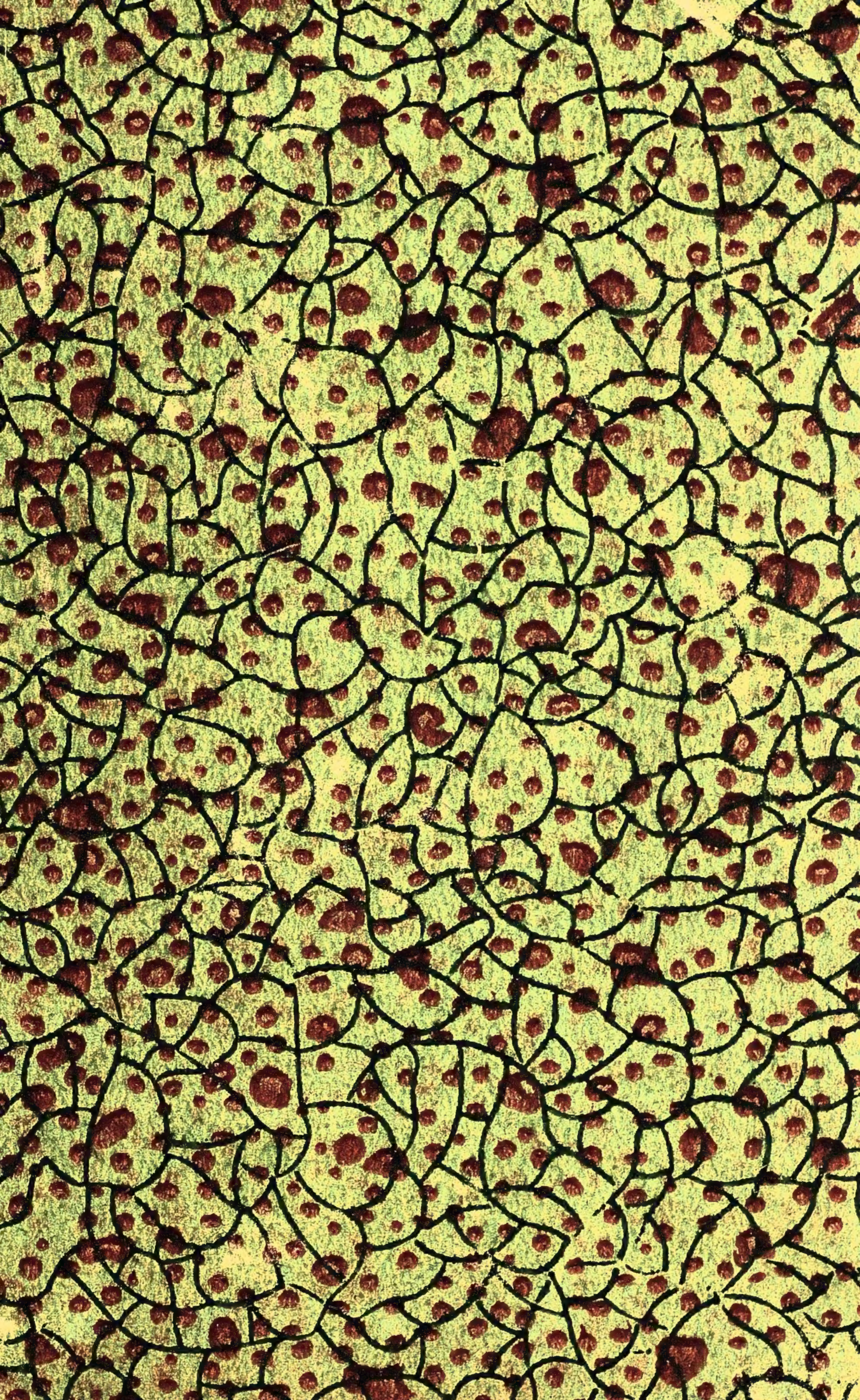
Въ связи съ этими перемѣнами былъ вновь выдвинутъ не новый уже вопросъ о ея мѣстѣ. Этотъ вопросъ поднимался уже давно. Внутреннему процвѣтанію академіи при Платонѣ не соотвѣтствовала ея внѣшняя форма, тѣ давно обветшавшія и тѣсныя зданія Заиконоспасскаго монастыря въ Москвѣ на Никольской, гдѣ она помѣщалась. Въ послѣдней четверти XVIII в. неоднократно заходила рѣчь о перенесеніи академіи въ другое мѣсто, предполагалось перенести ее въ Донской монастырь, но эти предположенія не осуществились. Бѣда, пережитая Москвою въ 1812 г., коснулась и академіи. Правда, зданія ея избѣгли пожара, но все же послѣ ухода непріятеля они представляли собою картину полнаго разрушенія. „Какъ въ классическихъ, такъ и въ живыхъ покояхъ“, доносилъ ректоръ академіи, „оконницы были выбиты, и многіе покои сдѣлались неспособны для жилья, коихъ поправленіе требуетъ великихъ издержекъ“. Въ этихъ полуразрушенныхъ строеніяхъ помѣщена была послѣ ухода французовъ военная швальня. Такимъ образомъ естественно возникалъ вопросъ о помѣщеніи академіи. Тогда явилась мысль назначить мѣстомъ для духовной академіи обитель преподобнаго Сергія. „Академія, какъ училище цѣлому округу общее“, читаемъ мы въ журналѣ комиссіи духовныхъ училищъ 28 апрѣля 1814 г., „менѣе привязана къ средоточію епархіи. Какъ мѣсто высшаго образованія возрастныхъ уже

воспитанниковъ и послѣдняго приготовленія ихъ къ должностямъ духовнымъ, она должна быть удалена отъ разсѣянія, свойственнаго многолюднымъ городамъ. Долженствуя быть духовнымъ обществомъ ученыхъ людей, она должна быть въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы ученый кругъ не былъ, такъ сказать, поглощаемъ коловращеніями политическими. Гдѣ бы начальство ни стало искать такого мѣста, вездѣ потребуется новое совершенно зданіе, кромѣ Сергіевой лавры. Здѣсь кромѣ другихъ зданій, занимаемыхъ семинаріею, можетъ быть употребленъ для новой академіи обширный и твердый корпусъ, извѣстный подъ именемъ „чертоговъ“, котораго нижнимъ этажемъ пользуется семинарія, а верхній остается незанятымъ. Притомъ здѣсь готовы двѣ важныя библіотеки: лаврская и виѳанская. Итакъ, навсегда или на время, писала комиссія, „только здѣсь съ удобностью можетъ открыта быть академія по новому образованію“ *).

Торжественное открытіе академіи въ Троицкой лаврѣ состоялось 1 октября 1814 г. Вспоминая это событіе, мнѣ хотѣлось вспомнить трехъ дѣятелей, потрудившихся надъ реформою духовной школы, однимъ изъ результатовъ которой было открытіе Московской Духовной Академіи „въ ея новомъ образованіи“: Сперанскаго, архіепископа Ѳеофилакта и Филарета. Сперанскій въ „Начертаніе“ системы духовной школы внесъ свою тонкую логику, Ѳеофилактъ—практическое знаніе условій русской жизни и духовной среды, Филаретъ—строгую вѣрность Православной Церкви. Работать надъ преобразованіемъ духовной школы пришлось имъ въ эпоху шатанія религіозной мысли. Они поставили академію на правильное, твердое и прочное основаніе. Филарету суждено было затѣмъ стать почти съ первыхъ шаговъ новой академіи на долгіе годы руководителемъ своего созданія, и кто знаетъ, безъ этой прочной основы и безъ этого твердаго руководства и духовная школа могла пережить полосу такого же уродливаго извращенія, какую пришлось испытать свѣтской школѣ во времена Магницкаго. Эти основанія положенныя великими русскими умами для духовной школы, тверды и до сей поры. На нихъ зиждется академія со всѣми тѣми частными передѣлками и приспособленіями,

*) *Чистовичъ*, op. cit., 119.

которыя требовались новыми условіями жизни, и можетъ быть благодаря имъ академія держитъ строгій и вѣрный путь въ переживаемыхъ ею перемѣнахъ. Старая славяно-греко-латинская академія, этотъ всесословный русскій университетъ XVII вѣка, смѣнилась сословной духовной школой XVIII столѣтія. Новая академія въ теченіе столѣтія своего существованія видѣла смѣну системъ, уставовъ и методовъ. При болѣе пристальномъ наблюденіи можно замѣтить перемѣны и въ ея соціальномъ составѣ. Въ первую половину прожитаго столѣтія она пополняется духовенствомъ всѣхъ его слоевъ. Въ послѣднее время въ наши аудиторіи посылаетъ слушателей преимущественно русское село; дѣти городскихъ священнослужителей направлялись въ свѣтскія школы. Когда смотришь на собравшееся въ стѣнахъ академіи юношество, мысль невольно несется къ этимъ бѣлѣющимъ на нашей родной равнинѣ среди зелени ея безконечныхъ полей и лѣсовъ, по берегамъ нашихъ великихъ рѣкъ, сельскимъ храмамъ, къ пріютившимся подъ ихъ сѣнью скромнымъ домикамъ сельскихъ причтовъ. Отсюда въ академію идетъ русская молодежь, крѣпкими непрерывными нитями связанная съ глубинами русскаго народа, какъ бы обвѣянная теплотою родной земли. Можетъ быть недалеко, и кажется, наступаетъ уже время, когда духовная школа совсѣмъ перестанетъ быть сословной, когда въ нее будутъ приходить люди всѣхъ званій, стремящіеся послужить Церкви. Но пожелаемъ, чтобы при всѣхъ измѣненіяхъ устава и состава Академія неуклонно держалась того направленія, которое указано ей ея творцами. Пусть она готовитъ, какъ говоритъ ея первый уставъ, просвѣщенныхъ служителей слова Божія. Пусть она служитъ Церкви наукою. Пусть съ свѣтомъ истиннаго разума она сочетаетъ теплоту вѣры и любви Христовой.

М. Богословскій.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. №
„—“ 193 г.